
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Правильно ли мы понимаем «1984»?

Р.Р. ВАХИТОВ*

***Рустем Ринатович Вахитов** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Цитирование: Вахитов Р.Р. (2021) Правильно ли мы понимаем «1984»? // Мир России. Т. 30. № 1. С. 151–162. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-151-162

Статья посвящена социологическому анализу романа Джорджа Оруэлла «1984», целью которого является выяснение: какое же реальное общество автор изобразил в романе? В течение более чем 70 лет сам Дж. Оруэлл и его многочисленные критики и читатели воспринимают этот роман как антиутопию, аллегорически изображающую сталинский режим в СССР. Однако зачастую бывает так, что и автор, и его поклонники неправильно трактуют произведение. Автор статьи убежден, что роман «1984» не может быть пародией на СССР. Во-первых, Дж. Оруэлл никогда не бывал в СССР, не разбирался в советской действительности, поэтому и не смог бы правдиво ее воссоздать. Во-вторых, изображение партии, быта пролов, идеологии Океании противоречат соответствующим реалиям Советского Союза времен Сталина. В-третьих, есть существенные параллели Океании «1984» и реальной Великобритании конца 1940-х, где происходили «социалистические реформы» лейбористов под руководством Клементя Эттли, которого У. Черчилль называл «английским Сталиным».

Вывод, к которому приходит автор статьи: Оруэлл на уровне сознания хотел создать антисталинский памфлет, но воспроизвел действительность его родной послевоенной Великобритании, при этом он бессознательно критиковал реформы лейбористов, хотя считал себя их сторонником.

Ключевые слова: Оруэлл, «1984», Советский Союз, Сталин, английский социализм, Великобритания, лейбористы, Клемент Эттли, «социалистические реформы» 1940-х

Плодовитый автор одного романа

Английский писатель, поэт, публицист, эссеист Эрик Артур Блэр чрезвычайно известен во всем мире, правда, больше не под своим именем, а под псевдонимом Джордж Оруэлл. Но при этом его поклонники, как правило, не подозревают, что Блэр-Оруэлл был чрезвычайно плодовитым автором. Он регулярно публиковал романы, повести, воспоминания, культурологические эссе, не говоря уже о газетной и журнальной публицистике. Его наследие составляет 20 внушительных томов, однако их содержание забыто даже на его родине, не говоря уже о других странах. Он так и остался для всех автором всего лишь двух произведений – небольшой повести-сказки «Скотный двор» и развивающего ее идеи романа «1984».

О литературных достоинствах этого единственного стоящего внимания произведения Дж. Оруэлла мне говорить трудно. Вероятно, они есть. Но литературоведы давно уже выяснили, что оно во многом повторяет роман «Мы» Евгения Замятина, который Дж. Оруэлл, безусловно, читал. Английский публицист Исаак Дойчер утверждал, что Дж. Оруэлл в «1984» «<...> заимствовал идею, сюжет, главных героев, символику и всю атмосферу» [Дойчер 1955] замятинского романа. Однако литературные достоинства «1984» – это не то, что превратило скромного английского писателя в кумира миллионов.

Роман стал политическим памфлетом, сыгравшим огромную роль в западной пропаганде в период холодной войны. Его с восторгом приняли У. Черчилль, З. Бжезинский и Х. Арендт (этот факт как минимум должен был насторожить Дж. Оруэлла, который всю жизнь считал себя социалистом). Роман «1984» читали по «вражеским радиоголосам», «свободолюбивые» советские интеллигенты привозили его на Родину из заграничных командировок под вторым дном чемодана, его переводили, перепечатывали на машинках, распространяли в самиздате, и в определенных кругах им до сих пор принято лишь восхищаться: всякие попытки подвергнуть его критическому анализу рассматриваются как посягательство на «святыню». Между тем этот роман даже в качестве памфлета вызывает множество вопросов, и один из самых главных касается его адресата.

Сам Джордж Оруэлл был убежден, что его антиутопия направлена против советского социализма, хотя в романе речь идет о его родине – Англии – и в неприглядном виде представлен именно английский, а не евразийский социализм. К этому казусу мы еще вернемся, потому что это не простая случайность.

Как известно, по своим убеждениям Дж. Оруэлл был полутроцкистом, полуплибералом, искренне ненавидел Сталина, именуя его не иначе как «мерзкий убийца» и возмущаясь, как У. Черчилль мог вступить с ним в союз. При этом автор «1984» был врагом не только Сталина, но и всего советского строя. «Начиная с 1930 года у меня было уже слишком мало аргументов в пользу того, что Советский Союз развивается в направлении того строя, к которому можно было бы применить понятие подлинного социализма», – писал он [Оруэлл 1991].

Намеки на советскую действительность, и правда, разбросаны по всему роману: Большой (в другом переводе – Старший) Брат изображается как коренастый усатый мужчина, Голдстейн подозрительно похож на Троцкого, Океанией управляет Партия, которая во всяком случае на уровне идеологии считается рабочей

(даже форма партийцев имеет своим прообразом комбинезоны рабочих). Посему идея о том, что «1984» – это роман об СССР, получила широкое распространение, и ее бездумно повторяют более 50 лет, и мало кто задается резонными вопросами, которые поставили бы под сомнение эту «аксиому»¹.

Несколько несоответствий

Филологи, специализирующиеся на творчестве Дж. Оруэлла, отмечают: «Оруэлл никогда не был в СССР и должен был полагаться только на чужие свидетельства, чаще всего лишённые необходимой объективности, да на собственный аналитический дар» [Зверев 1989]. Сам автор «1984» писал: «Я никогда не был в России, и мои знания об этой стране базируются исключительно на чтении книг и газет». Забавно, что при этом Дж. Оруэлл заявил однажды: «Вы ничего не узнаете об иностранном государстве, пока сами в нем не поработаете» [Джиральди 2013]. Полагаю, как раз в этом он совершенно прав. Не может литератор правдиво писать о том, чего не знает, что лично не пережил, не пропустил через себя, не вытерпел, погружаясь в самые мелкие детали, о которых не узнаешь из иностранных газет и журналов. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к историческим романам. Их авторы прочитывают множество литературы, консультируются у историков, и тем не менее на произведениях лучших из них лежит печать вымученности, выдающая их происхождение не от сердца, а от ума. При этом, как неоднократно замечали историки, сколько бы исторический романист не демонстрировал свою эрудицию, если бы чудесным образом роман смог прочитать представитель изображаемой эпохи, ему в глаза сразу бы бросилось огромное количество мелких, для нас незаметных, а для него вопиющих несоответствий. Это же касается и «1984», и приходится лишь удивляться тому, что до сих пор никто не обратил на это внимание.

Например, Океанией, изображаемой в романе Дж. Оруэлла, правит Старший Брат (в другом переводе – Большой Брат, однако эта несвойственная для русского языка конструкция – явная неудача). Так официально именуется руководитель партии английского социализма, портреты которого висят на каждом доме, слова которого цитируются каждым оратором. Джордж Оруэлл наделил Старшего Брата черными усами, чтобы придать ему (как считают многие) внешнее сходство со Сталиным. В начале романа сказано: «На нем [плакаты – Р.В.] было лишь изображено огромное, шириной больше метра, лицо человека лет сорока пяти, с грубоватыми, но привлекательными чертами и густыми черными усами» [Оруэлл 1992, с. 7]. Но, увы, Сталина в СССР называли «отцом народов», а вовсе не «Старшим Братом». Разница очень существенная, и, если Дж. Оруэлл ее не почувствовал, значит, он не понимал самой экзистенциальной основы русского коммунизма. Старший брат – такой же член семьи, как и другие, лишь наделенный большими полномочиями, это первый среди равных и именно таков западный образ правителя, начиная с феодального средневековья и кончая современными США. Отец же в

¹ Исключение составляет небольшая работа Исаака Дойчера «1984: мистицизм жестокости», с которой я полностью ознакомился уже после написания этой статьи. Я обнаружил, что «переоткрыл» несколько его аргументов и при этом добавил еще несколько обоснований тезисам, которые отстаиваем он и я.

патриархальной семье – это существо высшее не просто по своим полномочиям, но и по своей природе: отец породил сыновей, а причина и следствие совпадают не могут. Отца патриархальный дискурс наделяет почти сверхъестественными свойствами, и именно так советский человек воспринимал Сталина. Свидетели эпохи замечают, что в 1953 г., когда сообщили о его смерти, большинство охватила острота: подсознательно они не верили, что Сталин может умереть. И нынешние критики Сталина из числа «детей культа личности» сохранили в душе это убеждение и приписывают Сталину ответственность буквально за все в период его правления, то есть тоже наделяют его свойствами сверхъестественного, но теперь уже демонического существа. Это Сталину было позволительно называть граждан «братья и сестры», гражданам в голову бы не пришло ответить ему тем же: в Советском Союзе плакат «Старший брат следит за тобой!» с изображением Сталина обошелся бы его автору очень дорого. «Отец народов» из Кремля ни за кем не следил, но, по логике той парадигмы, думал о всех и каждом. К тому же Старший Брат у Дж. Оруэлла – фактически фикция, он – псевдоним коллективного руководства партии. О’Брайен, мучитель Смита из Министерства любви, говорит ему, что не имеет значения, существует ли Старший Брат на самом деле. Разве можно себе представить, чтобы следователь НКВД в 1937 г. заявил, что неважно, реален ли товарищ Сталин или нет? Очевидно, что человек, предполагавший такое, ничего не понимал в сущности модели советского вождизма.

Про́лы – низшие слои населения в Океании, фабричные и заводские рабочие – изображены в романе как презираемые всеми парии. Джордж Оруэлл пишет: «<...> партия учит, что про́лы от природы неполноценны, и их следует с помощью нескольких простых правил держать в подчинении, как животных» [Оруэлл 1992, с. 57]. Про́лов презирает партийная идеология, им не дают образования, даже самого элементарного, начального, они не имеют возможности вступить в Партию и сделать в ней карьеру, им даже не навязывают партийную идеологию. Среди них поощряются алкоголизм и азартные игры, разрешаются им разводы и разврат, для них выпускается в массовом порядке и распространяется, разумеется, от лица подпольных спекулянтов порнографическая продукция: возлюбленная Уинстона Смита Джулия как раз работала в отделе, который производил порнографическую литературу для про́лов.

Всякий, кто хоть понаслышке знает о жизни сталинского СССР, уверенно скажет, что нарисованная картина не имеет ни малейшего отношения к сталинскому социализму. Рабочие в СССР 1930–1950-х гг. не просто имели возможность вступить в партию – у них в этом плане были значительные преимущества. Элита формировалась из бывших пролетариев, и пролетарское происхождение номенклатуры было почти обязательным. Даже антисоветски настроенные социологи не отрицают, что сталинская эпоха отличалась необычайно высокой вертикальной социальной мобильностью: люди из самых низов общества, из рабочих бараков становились партийными, хозяйственными руководителями, приходили в НКВД, делали карьеру в армии.

Именно на 1930-е гг. пришлась культурная революция в СССР – кампания по утверждению грамотности среди широких слоев рабочих и крестьян. Несомненно, она имела своей целью, помимо прочего, распространение государственной идеологии среди масс (чтобы ее воспринимать, нужно было хотя бы научиться читать газеты), однако показательно, что советское государство вовсе не относи-

лось к пролетариям как к животным, наоборот, оно стремилось вовлечь их в общественно-политическую жизнь. Наконец, советское государство нещадно боролось с порнографией, развратом и пьянством в среде пролетариев, которые благодаря специфике официальной идеологии должны были представлять собой образцы людей новой формации. И именно на сталинские 1930-е гг. пришлось ужесточение курса партии по этому вопросу: если в 1920-е гг. на волне революционного нигилизма провозглашалась сексуальная свобода, то 1930-е гг. (эпоха стабилизации советского государства) прошли под знаком укрепления семейных ценностей, запрета сексуальной распущенности, извращений, борьбы за трезвый образ жизни. Даже самым оголтелым антисоветчикам не пришло бы в голову обвинять режим Сталина в том, что по его указанию производилась порнография: настолько это диссонирует с самим духом сталинской эпохи – духом романтикистроек, покорения Арктики, героизма в борьбе с внешними и внутренними врагами, пропаганды аскетизма и целомудрия в быту. Приходится только удивляться тому, что почитатели Дж. Оруэлла не заметили, что он приписывает сталинскому социализму такую нелепость. Тем более что критики Дж. Оруэлла уже указывали на этот момент: «Старший Брат и его сторонники не пытаются научить рабочий класс теории – оплошность, которую Дж. Оруэлл мог бы приписать сталинизму в самую последнюю очередь» [Дойчер 1955].

С другой стороны, такой же бессмысленностью является описание жизни элиты – членов Партии, которая у Дж. Оруэлла представляет род аристократии. Поскольку пролам в нее путь закрыт, то кадровый состав партии, очевидно, пополняется за счет детей членов партии. Как это диссонирует со сталинской партией большевиков! Родственные связи среди партийного начальства тогда, если и встречались, естественно, никоим образом не приветствовались: партия боролась с кумовством и семейным протекционизмом. Большевицкая партия, в отличие от Партии Океании, как уже говорилось, черпала новые кадры снизу, из среды рабочих (при этом представители интеллигенции иногда даже обижались, что им предпочитают простых «работяг»).

У членов внутренней Партии есть рабы – «слуги в белых пиджаках». Например, азиатский слуга Мартин у О’Брайена, который так и называет его без всякого стеснения – «слуга»: приглашая Смита в свой дом, он сказал, что книгу ему отдаст «его слуга». Помимо этого, многие из членов внутренней Партии имеют личные машины и даже вертолеты, что выглядит крайне неправдоподобно, если это пародия на сталинскую Россию. Конечно, представители высшей номенклатуры партии жили комфортнее рядовых граждан, но и здесь не следует впадать в преувеличения. До 1932 г. существовал партмаксимум: зарплата ответственных работников не могла быть больше 150% от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях, но даже при этом она не была супервысокой: по данным историка В.Н. Мамяченко, зарплата секретаря Свердловского обкома в 1951 г. составляла 1800–2000 дореформенных рублей, технолога завода – около 1500, рабочего – около 1000. Правда, были доплаты и премии, которые могли увеличить зарплату секретаря иногда вдвое и выше, но личных вертолетов и самолетов они себе не покупали (да их и не продавали в СССР). К тому же партийные секретари не были самыми высокооплачиваемыми работниками: заведующий кафедрой истории партии в Высшей партшколе при Свердловском обкоме получал 6000 руб. в месяц! [Мамяченко 2009, с. 242]. Более того, все, чем пользовались партначальники (просторные квартиры в центре,

дачи, автомобили, на которых их возили на работу), им не принадлежало, это было собственностью государства, и всего этого они лишались, если теряли должности. В СССР все обстояло не столько по Дж. Оруэллу, сколько по Платону, считавшему, что в идеальном государстве высшее сословие – «совершенные стражи» – само ничего не имеет и находится на полном содержании государства.

Наиболее странной представляется идеология Партии англофагов, которая откровенно противоположна ценностям европейского Просвещения (а значит, и ценностям таких феноменов Просвещения, как социализм и коммунизм). Просвещение, начиная с эпохи энциклопедистов, превозносит свободу, разум, научно-технический прогресс, мир и гармонию между людьми. Возможно, не везде и не всегда адептам идеологий Просвещения удавалось воплотить в жизнь эти лозунги, более того, иногда на практике получалось нечто иное – в этом диалектика жизни! – но сомневаться в том, что левые революционеры и реформаторы искренне желали то, что провозглашали, не приходится. Во всяком случае, совершенно немыслимо, чтобы в СССР, на официальном уровне, то есть на уровне лозунгов партии, которые висели в виде растяжек на улицах каждого города, восславлялись незнание, рабство и война. Превознесение иррациональных мотивов в противовес разуму, культ войны, критика эмансипации – все это прерогатива концептов контрпросвещения – фашизма, национал-социализма, гвардизма, фалангизма. Да и политика советского государства, как я уже говорил, была иной – направленной на распространение грамотности, создание всеобщей системы начального и среднего образования, поддержку вузов и науки.

Наконец, социалистическая Партия Дж. Оруэлла проповедует философию субъективного идеализма. Вот разъяснение этой философии из выдуманной книги Эммануила Голдштейна «Теория и практика олигархического коллективизма»: «Изменчивость прошлого – главный догмат англофагов. Утверждается, что события прошлого объективно не существуют, они остаются лишь в письменных документах и в памяти людей. <...> А поскольку Партия полностью контролирует все документы и одновременно разум всех своих членов, то отсюда следует: прошлое становится таким, каким желает видеть его Партия» [Оруэлл 1992, с. 157]. В том же самом пытается убедить Смита О'Брайен во время допроса в застенках Министерства любви; он даже открывает название партийной философии – коллективный солипсизм. Перед нами – доведенный до пародии субъективный идеализм – философия, заявляющая, что все вещи, весь открывающийся нам через чувства мир, – лишь порождение нашего сознания. Такой философии придерживался А.А. Богданов, которого нещадно критиковал В.И. Ленин, и эта критика стала мейнстримом официальной советской философии – марксизма-ленинизма.

Несомненно, так же, как в случае с пролами, изображение Партии и партийцев в романе «1984» не просто не соответствует реалиям Советского Союза времен Сталина, оно вопиюще противоречит им. Советские коммунисты не считали себя представителями высшей расы, противостоящей «полуживотным-пролетариям»; они не имели азиатских рабов, машин и вертолетов; партия большевиков не прославляла невежество, рабство и войну, а следователя НКВД, который заявил бы, что все – от фотографии Зиновьева до фотографии самого товарища Сталина – существует лишь в коллективном разуме Партии, отправили в психиатрическую клинику.

Вместе с тем страна, пародией на которую является оруэлловская Океания – с отношением к простому народу как к животным, с азиатскими слугами у наслед-

ственной элиты, с развитыми традициями философии субъективного идеализма – все же существовала, но это не Советский Союз Сталина. Это – Британская империя второй половины XIX – первой половины XX вв., родина писателя Джорджа Оруэлла.

«Английский социализм» – это английский социализм

Джордж Оруэлл, желая гротескно изобразить сталинскую Россию, которую он совсем не знал, наделил ее чертами той самой Британии, которую знал очень хорошо. Возможно, он сделал это бессознательно, и общество англо-американцев – это пародия не столько на Россию 1930-х, сколько на Британию 1940-х. Об этом в свое время также писал Исаак Дойчер [*Дойчер* 1955], но его слова остались гласом вопиющего в пустыне.

Великобританией правила узкая наследственная элита – аристократия и крупная буржуазия. До 1940-х гг. выходцы из народа не имели возможности подняться вверх по социальной лестнице, были лишены элементарного – нормальной медицинской помощи, отпусков, больничных, страховки (и это происходило в метрополии, о населении колоний говорить и вовсе не приходилось), и тем из них, кто сумел стать слугой богатого лондонского аристократа, очень повезло (кстати, азиат Мартин, служащий у оруэлловского высокопоставленного политика О’Брайена – это обычное явление именно для английского общества).

Асексуальность Партии – это указание на викторианские ханжеские нравы элиты Британии, даже философия О’Брайена (коллективный солипсизм) – сугубо британская философия, имеющая множество последователей на Британских островах (например, Джордж Беркли, Дэвид Юм). Мысль о том, что мир – это порождение сознания человека, столь же абсурдна для русского и советского философа, сколько и естественна, и привычна для британского интеллектуала.

Даже столь большое внимание, которое Партия Океании уделяла преобразованию языка (по Оруэллу, Партия надеется полностью победить инакомыслие, создав язык полнейшей преданности – новояз), вполне согласуется с традициями британской мысли, склонной, как известно, к анализу языка и считающей, что язык не отражает, а порождает мир. Кроме того, по меткому замечанию И. Дойчера, здесь сказалось и отвращение Дж. Оруэлла к языку англо-американских газет: «“Новояз” – гораздо меньше пародия на сталинские штампы, чем на “телеграфный” язык англо-американских журналистов, который он терпеть не мог» [*Дойчер* 1955].

Но критично настроенный читатель может воскликнуть: при чем здесь социализм? Британия – страна классического капитализма, на что указывал еще К. Маркс. Индивидуализм, потребность в политических свободах, уважение к частной собственности у англичан «в крови», и Дж. Оруэлл изображает в романе именно типичного англичанина (недаром его зовут как Черчилля – Уинстон, а фамилия у него – одна из самых распространенных в Англии – Смит), который чувствует себя крайне неуютно в мире победившего коллективизма. И здесь нас ждет еще одно открытие. Мало кто (естественно, кроме историков Англии соответствующего периода) знает, что в Великобритании 1940-х гг. действительно происходили радикальные антикапиталистические преобразования. Как раз в то время, когда

Дж. Оруэлл сочинял свой памфлет, страна действительно стояла на пороге не гротескного, а самого настоящего, хотя и своеобразного «английского социализма».

Все началось в годы войны. Война вообще вынуждает все государства, даже самые буржуазные, на время забыть о либеральных мифах и перейти к планированию в экономике, прежде всего, перейти к плановым, то есть социалистическим формам распределения. В России, например, продразверстку и твердые цены на хлеб придумали не большевики, их ввел Николай II в разгар Первой мировой войны. Но вернемся к Великобритании. В 1940 г. она оказалась отрезанной от своих колоний из-за немецкой морской и авиационной блокады, и ее начало лихорадить вследствие нехватки продуктов питания (до войны Британия импортировала 2/3 от общего объема продовольствия). Поэтому в Британии ввели «нормирование потребления», а правительство запретило свободную торговлю. Все британцы, начиная с членов королевской семьи и заканчивая бездомными, получали карточки (ration book), по которым в государственных магазинах можно было купить по фиксированной низкой цене небольшие пайки самого необходимого: хлеб, маргарин, мясо, яйца, сахар; в одни руки на неделю выдавали 1 фунт бекона, 2 фунта сахара, 5 фунтов мяса. Граждан разделили на несколько категорий: на усиленное питание могли рассчитывать рабочие оборонных предприятий, шахтеры, докеры (для них открывались специальные столовые класса А), а также больные, беременные женщины и дети (так, право на покупку апельсинов имели только семьи, где были дети). Были созданы специальные дешевые «британские рестораны», где кормили бедных, бездомных и всех, кто работал на армию. Разумеется, сразу возник черный рынок, но государство с ним нещадно боролось: сначала за спекуляцию сажали в тюрьму на 3 месяца, к концу войны срок достиг 3 лет. Богатые боялись показать свое богатство: из-за стихийных возмущений малоимущих горожан в элитных ресторанах ограничили количество блюд тремя, причем каждое должно было быть не дороже 5 шиллингов. Даже король получал карточки, и по телевизору демонстрировали, как он и его семья едят пайки, но не с простых тарелок, а с золотых блюд. Нормировали и непродовольственную продукцию: на человека полагалась одна смена одежды в год, 4 куска мыла в месяц. Разумеется, это было немного. Но как ни парадоксально, это было больше, чем имели многие неимущие в довоенные мирные годы. О положении беднейших слоев населения в Англии XIX в. писали многие – от Чарльза Диккенса до Фридриха Энгельса. В начале XX в. в их жизни мало что изменилось, а Великая депрессия 1930-х и вовсе превратила их в нищих. В страшные, полные трагедий и лишений военные годы простому английскому рабочему или батраку были гарантированы и кусок хлеба, и рабочее место (в рамках военной программы правительство национализировало множество предприятий и открыло тысячи вакансий). Английский бедняк, конечно, не отъелся, но мог уже не бояться голодной смерти. Как пишет Г. Александров в книге «Монархия и социализм», количество самоубийств уменьшилось на 25% (а ведь именно самоубийства среди безработных были бичом в годы Великой депрессии); детская смертность в военные годы уменьшилась на 10%, поскольку продуктовые карточки обеспечили питание всем детям, включая детей неимущих граждан [Александров 2014].

Кроме того, в определенной мере было удовлетворено чувство социальной справедливости: английский бедняк видел, что и богатые волей-неволей разделяют лишения простого народа (кстати, согласно данным социологов, благосостояние богатейших слоев Англии в военные годы упало, а вот беднейших – выросло).

Повсюду в военном Лондоне висели плакаты «Нормирование потребления – это справедливая доля для каждого», и рабочий, который утром шел на оборонный завод, предвкушая сытный завтрак в столовой категории А, читал эти слова, торжествуя в душе. «Военный социализм» 1940–1945 гг. стал временем, о котором простые англичане потом будут вспоминать с тоской.

Все вышеперечисленное предопределило катастрофический провал консерваторов во главе с У. Черчиллем на парламентских выборах 1945 г. Они даже не выдвинули продуманной программы, им казалось, что «премьер победы» и так обеспечит им большинство в парламенте; тот самый тучный кумир богачей У. Черчилль, который презрительно отзывался о социализме: «врожденное достоинство социализма – равное распределение нищеты». Но народ проголосовал за лейбористов во главе с Клементом Эттли, заявлявшим, что лейбористы продолжают реформы, ущемляющие интересы богачей и капиталистов, и, если народ их выберет, они создадут из капиталистической Британской империи «Британское Социалистическое Содружество Наций». Причем, придя к власти, лейбористы начали выполнять свое обещание: уже в 1946 г. они национализировали Банк Англии и угледобывающую промышленность, игравшую в те времена ту же роль, которую сейчас играет нефтедобывающая. Доходы от угледобычи потекли не в карманы угольных олигархов (которые, правда, получили от государства выкуп за свои предприятия), а в бюджет государства. В 1947 г. правительство выкупило железные дороги и электроэнергетику, еще через год – газовую промышленность, водный транспорт, значительную часть автомобильных дорог. В том же 1947 г. был создан Консультативный совет экономического планирования – английский Госплан. Благодаря этому в бюджете появились деньги на социальные программы: в 1946 г. в Великобритании впервые за всю историю существования страны появилось бесплатное, всеобщее, доступное даже беднякам государственное здравоохранение. Это было невиданным делом – простой рабочий, малоимущий горожанин, крестьянин, заболел, мог прийти в клинику, и врач лечил его бесплатно, потому что получал за это зарплату от государства! Представители простого народа, которые раньше могли рассчитывать лишь на врачей-филантропов, воспринимали это как чудо². С 1948 г. стали выплачиваться пособия по безработице, больничные, появились оплачиваемые отпуска, пособия при рождении ребенка, государственные пенсии по старости; сократилась безработица: в промышленности появились 2 млн новых рабочих мест, которые заняли вернувшиеся из армии мужчины; были построены более 800 тыс. новых домов для жертв бомбардировок и жителей трущоб.

На фоне этих преобразований популярность К. Эттли зашкаливала, однако крупная буржуазия и ее политические ставленники – консерваторы – скрипели зубами от злости. У. Черчилль бесновался, выступая с гневными речами, он назвал К. Эттли «английским Сталиным», заявлял, что лейбористы начали с того, что вынудили «эффективных собственников» продать их предприятия государству, а закончат тем, что создадут политическую полицию вроде гестапо или НКВД.

Именно в это время на книжном рынке Великобритании появляется памфлет Джорджа Оруэлла «1984», в котором самыми черными красками был изображен «английский социализм» и даже «английский Сталин» (Большой Брат). Кстати,

² Вспомним, что в свое время у лондонского малоимущего эмигранта К. Маркса умер от туберкулеза восьмилетний сын Эдгар, потому что у семьи не было денег на врачей и лекарства.

К. Эттли внешне был похож на Сталина: те же грубоватые мужские черты лица, та же трубка, поэтому англичане, читая роман Дж. Оруэлла, обязательно вспоминали и лидера лейбористов.

Джордж Оруэлл издевательски изображал нормирование потребления (страна находилась в кризисе и после войны, поэтому лейбористы были вынуждены сохранить карточную систему до начала 1950-х гг.). Реалии того времени – плохие рассыпающиеся сигареты и скверный джин по талонам – стали предметом для насмешек богатых англичан, которых страшно раздражал запрет на свободную торговлю, и все это Дж. Оруэлл перенес в свой пасквиль для изображения «английского социализма».

Автор «1984» собрал в своей книге все реальные и мнимые недостатки социализма (при этом сильно преувеличив реальные), но обошел молчанием все его достоинства (хотя ему следовало признать диалектику достоинств и недостатков любого общества): например, в романе нет ни слова о бесплатном образовании и здравоохранении. При этом Дж. Оруэлл клеветал на социализм: в его романе Партия никак не заботится о пролах, то есть о рабочих, предоставляя им условия жизни, как для животных. В целом англосоц показан глазами обеспеченного лондонца, который, получая продукты по карточкам, вздыхает об ушедшем «жирном» капитализме.

Ослепленный ненавистью к реальному социализму и советской России, Дж. Оруэлл сумел собрать воедино все страхи английской буржуазии, усилить их и навязать общественному сознанию не только в Англии, но и на всем Западе. Именно он виновен в том, что простые рабочие и служащие, получившие образование в рамках социалистических реформ в Англии, прочитав его книгу, стали связывать социализм не с гарантированным куском хлеба с маслом, не со всеобщей государственной страховкой, не с бесплатной бюджетной, общедоступной медициной, а с нищетой, страхом, преследованиями инакомыслящих и вечной войной. Человек, который гордился тем, что голосует за лейбористов (которые тогда еще по праву несли имя «партии труда»), помог консерваторам навязать гражданам Великобритании бредовое убеждение, что социализм якобы начнет с национализации предприятий, а закончит гестапо и НКВД. Конечно, вина лежит не только на Дж. Оруэлле. Лейбористы сами скоро изменили программе радикального социализма и попытались ввести отчасти платное здравоохранение, приватизировать некоторые производства. Кроме того, потерявшая империю Великобритания вынуждена была подчиняться диктату американцев, которым очень не нравились социалистические преобразования в бывшей метрополии. Наконец, на руку консерваторам сыграли объективные трудности переходного периода. Как бы то ни было, Джордж Оруэлл причастен к тому, что после 20-летней борьбы тори и виггов к власти надолго пришли консерваторы во главе с М. Тэтчер и уничтожили почти все завоевания «социалистической пятилетки». Простые англичане, из среды которых, кстати, вышла и сама М. Тэтчер, лишились социальных льгот и гарантированной работы. Так бывает очень часто: правые, выбравшиеся наверх из низов общества, становятся куда более жестокими к своим бывшим братьям по несчастью, чем те, кого родили на пуховых перинах роскошных особняков.

Книга Дж. Оруэлла сыграла свою роль и в разрушении советского социализма. В годы перестройки нас пугали страшилками из «1984», а Запад с его «государством общего благосостояния» представляли как образец. Нам, конечно,

не говорили, что оно возникло на Западе только после Второй мировой войны в ходе социалистических реформ, которые произвели пришедшие к власти левые (а они пришли к власти не только в Англии, но и во Франции, в Италии, а в таких странах, как Норвегия и Швеция, они власть и не покидали). При этом нас убеждали, что это и есть настоящий капитализм и ради этого мы должны разрушить свой социализм. Наивный советский гражданин поддался этой лжи и получил власть неолиберального Big Brother. Такой была истинная историческая роль плодотворного писателя Джорджа Оруэлла, который искренне считал себя противником капитализма...

Литература

- Александров Г. (2014) Монархия и социализм // Litmir.me // <https://www.litmir.me/br/?b=128193&p=1>
- Дойчер И. (1954) 1984: мистицизм жестокости // Left.ru // <http://left.ru/pn/2/deutcher96.html>
- Джиральди У. (2013) Оруэлл – мудрец 20 века // Inosmi.ru. 17 августа 2013 // <https://inosmi.ru/world/20130817/212009728.html>
- Зверев А.М. (1989) О старшем брате и чреве кита: набросок к портрету Оруэлла // Orwell.ru // https://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rpfc_az
- Мамяченков В.Н. (2009) Денежные доходы работников партийных органов Свердловской области в 1950-х годах // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 3. С. 242–245 // http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30818/1/Мамяченков.V.N_2009.pdf
- Оруэлл Д. (1991) Скотный Двор: Сказка. Предисловие Оруэлла к украинскому изданию // Orwell.ru // https://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/russian/rpfc_un
- Оруэлл Д. (1992) 1984. Скотный двор. Пермь: Капик.

Do We Understand “1984” Correctly?

R. VAKHITOV*

***Rustem Vakhitov** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Bashkir State University. Address: 32, Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russian Federation. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Citation: Vakhitov R. (2021) Do We Understand “1984” Correctly? *Mir Rossii*, vol. 30, no 1, pp. 151–162 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-151-162

Abstract

The article presents a “sociological analysis” of George Orwell’s novel 1984. I aim to identify the real society which Orwell portrayed in his novel. For 70 years Orwell

himself, including his many critics and readers, perceive this novel as an anti-utopia, which allegorically depicts the Stalinist regime in the USSR. However, it often happens that the author himself and his fans misinterpret the work. I argue that Orwell's novel cannot be a satire of the USSR. Firstly, Orwell had never been to the USSR and could not know Soviet reality well enough to accurately describe it in the novel. Secondly, the portrayal of the Party, the life of the "breaks", and the ideology of Oceania contradict the corresponding realities of the Stalinist Soviet Union. And thirdly, there are significant parallels between Oceania "1984" and Great Britain of the late 1940s, where the "socialist reforms" of the Laborites took place under the leadership of Clement Attlee, whom Churchill called "the English Stalin". Thus, I conclude that while consciously Orwell may have wanted to create an anti-Stalinist pamphlet, unconsciously he reproduced the reality of his native post-war Great Britain. He portrayed in black colors the reforms of the Laborites, although at the level of consciousness, he considered himself their supporter.

Keywords: Orwell, the "1984" novel, the Soviet Union, Stalin, English socialism, Great Britain, Labors, Clement Attlee, "socialist reforms" of the 1940s

References

- Aleksandrov G. (2014) Monarkhiya i socialism [Monarchy and Socialism]. *Litmir.me*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=128193&p=1>, accessed 11.01.2021.
- Deutscher I. (1955) 1984 – The Mysticism of Cruelty. *Left.ru*. Available at: <http://left.ru/pn/2/deutscher96.html>, accessed 11.01.2021.
- Giraldi W. (2013) Orwell – mudrets 20 veka [Orwell Is a Twentieth-century Sage]. *Inosmi.ru*, August 17, 2013. Available at: <https://inosmi.ru/world/20130817/212009728.html>, accessed 11.01.2021.
- Mamyachenkov V.N. (2009) Denezhnye dokhody rabotnikov partijnykh organov Sverdlovskoj oblasti v 1950-kh godakh [Monetary Income of Party Workers in Sverdlovsk Oblast in the 1950s]. *Vestnik of Kostroma State University*, no 3, pp. 242–245. Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30818/1/Mamyachenkov.V.N_2009.pdf, accessed 11.01.2021.
- Orwell G. (1991) Skotnyj Dvor. Predislovie Orwella k ukrainskomu izdaniyu [Animal Farm. Orwell's Preface to the Ukrainian Edition]. *Orwell.ru*. Available at: https://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/russian/rpfc_un, accessed 11.01.2021.
- Orwell G. (1992) *1984. Skotnyj dvor* [1984. Animal Farm], Perm': Kapik.
- Zverev A.M. (1989) O staršem brate i chreve kita: nabrosok k portretu Orwella [On the Older Brother and the Womb of the Whale: A Sketch for the Portrait of Orwell]. *Orwell.ru*. Available at: https://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rpfc_az, accessed 11.01.2021.